

людей в руках сарацин, не сделав всего, что в моих силах, дабы спасти их. Так что я приказываю поставить паруса, чтобы мы могли атаковать врага». Когда королева услышала эти слова, она пришла в отчаяние и сказала: «Увы, это я во всем виновата!»

Когда команда поставила паруса на королевском судне и на всех других, чтобы поймать ветер, дувший к берегу, мы увидели, что от острова отходят галеры. Как только они подошли к нам, король спросил, почему их так долго не было. Они ответили, что ничего не могли поделать; дело было в том, что шестеро сыновей парижских горожан застряли в саду, объедаясь фруктами. Вытащить их было просто невозможно, а оставлять их не хотелось. Король приказал всех шестерых посадить в шлюпку. Они стали плакать и стонать. «Ради Бога, ваше величество, берите все, что у нас есть, но не обращайтесь с нами, как с ворами и убийцами, или мы будем навечно опозорены».

И королева, и все мы изо всех уговаривали короля изменить свое решение, но он нас не слушал. Всех шестерых посадили в шлюпку, где им и предстояло оставаться, пока мы не подойдем к земле. Они были так перепуганы, что, когда на море поднялись высокие волны, захлестывавшие их с головой, им пришлось все время сидеть на дне из опасения, что ветер может скинуть их в воду. Из-за их жадности наше путешествие продлилось на неделю дольше, потому что король заставил судно изменить курс.

Прежде чем мы наконец подошли к земле, нам пришлось пережить еще одно приключение на море. Одна из горничных королевы оказалась настолько беспечна, что, уложив свою госпожу в постель, она взяла платок, который королева носила на голове, и бросила его рядом с железной печкой, где королева зажгла свечу. Затем сия добрая душа отправилась спать в женскую каюту, как раз под спальней королевы. Свеча же продолжала гореть, пока пламя не опустилось так низко, что платок вспыхнул, а от него пламя перекинулось на полотно, прикрывавшее наряд королевы.

Проснувшись, королева увидела, что вся ее каюта объята пламенем. Она нагой вскочила с постели, схватила горящий платок, кинула его в море и стала сбивать пламя. Люди в шлюпке, что тащилась за кораблем, стали хрипло кричать: «Пожар! Пожар!» Я поднял голову и увидел, как на глади воды догорает платок. Быстро накинув плащ, я вышел к морякам.

Пока я был там, слуга, который спал в ногах у моей кровати, пришел и сказал, что король проснулся и спрашивает, где я был. «Я объяснил ему, – сказал слуга, – что вы были в своей каюте, а король сказал, что я вру». Пока мы разговаривали, к нам неожиданно подошел секретарь короля мэтр Жоффруа. «Не бойтесь, – сказал он мне, – все в порядке». – «Мэтр Жоффруа, – обратился я к нему, – пойдите и скажите королеве, что король уже проснулся, и попросите ее зайти к нему, чтобы успокоить его».

На следующий день коннетабль Франции и камергер короля Пьер и Жерве, постельничий короля, спросили у него: «Что случилось ночью? Мы слышали разговоры о пожаре». Я, со своей стороны, хранил молчание, но король ответил: «Было кое-какое происшествие, к которому сеньсаль отнесся куда спокойнее, чем я. Тем не менее скажу, что нам повезло – прошлой ночью мы едва не сгорели». Король рассказал им, что случилось, а потом обратился ко мне: «Сенсаль, я приказываю тебе, чтобы отныне ты не шел спать, пока не убедишься, что потушены все огни, кроме главного огня в трюме. И заметь себе, что и я не пойду спать, пока ты не явишься ко мне и не доложишь, что все сделано». Все время, что мы были в море, я исполнял эту обязанность; и король никогда не ложился спать, пока я не приходил к нему.

Тем не менее во время нашего путешествия случился еще один инцидент. Сеньор Драгоне, дворянин из Прованса, как-то утром спал на своем судне, которое было в добром лье (морское лье – более 5,5 км) перед нашими кораблями. Проснувшись, он подозвал одного из своих слуг и сказал ему: «Прикрой чем-нибудь этот иллюминатор, а то солнце бьет мне прямо в лицо». Слуга, удивившись, что прикрыть иллюминатор можно только снаружи, вылез за борт судна.

Пока он возился с иллюминатором, оступился и упал в воду. Поскольку судно было маленьким и не тащило за собой шлюпку, оно очень быстро оставило человека далеко за кормой. Те из нас, кто был на судне короля, увидели его, но, поскольку человек в воде не предпринимал никаких усилий, чтобы спастись, мы кинули ему какие-то доски и бочку.

Одна из галер короля выловила страдальца из воды и доставила на наш корабль, где он рассказал, как произошел несчастный случай. Я спросил его, почему он не пытался как-то спастись, то ли плавая, то ли как-то иначе. Он ответил, что спешить не было необходимости, да и можно было ни о чем не думать, потому что, падая, он поручил себя милости Богоматери Вовертской и после падения, пока к нему не подошла галера, она поддерживала его за плечи. В честь этого чуда я